

Измерение политического доверия в условиях современной демократии*

Кириленко В. П. *, Алексеев Г. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; v.vvaas@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Обзорное систематическое исследование работ по проблеме измерения политического доверия, опубликованных в таких авторитетных научных журналах, как «European Political Science Review», «British Journal of Politics and International Relations», «Parliamentary Affairs», «Journal of Public Policy», «Political Science Quarterly», «Perspectives on Politics» и «International Journal of Public Opinion Research», демонстрирует в условиях современной демократии значительное внимание ученых к проблеме политического доверия и преследует своей целью развитие методологической базы для ее исследования. Методика обзора по проблеме измерения политического доверия основана на сравнительном анализе результатов научных исследований в области оценки политического доверия. Среди основных задач статьи: обобщение научных подходов к политическому доверию, характеристика методов его измерения, а также интерпретация результатов измерений политического доверия в условиях современной демократии и кризиса доверия. В задачи исследования входит выявление концептуальных научных работ западных ученых за период 2011–2021 гг., которые позволяют проследить модернизацию представлений об объекте политического доверия, характеризуют применяемые в современной социально-политической науке методы измерения уровня политического доверия, выявляют различия в формировании морального и стратегического доверия. Отличия политического доверия в моральном плане, где доверительные отношения складываются на основе опыта и личного взаимодействия субъектов, и доверия в стратегическом плане, где формируются политическая культура и определенные ожидания того, что политические лидеры будут принимать правильные, рациональные решения, основаны на фундаментальных представлениях о политическом порядке, где постоянные изменения формируют личные и институциональные связи. Измерение политического доверия, которое является основой взаимодействия граждан и государства, имеет принципиальное значение для характеристики качества демократии, а правовое государство невозможно без высокого уровня политического доверия.

Ключевые слова: политическая культура, рациональный выбор, делиберативная демократия, недоверие, факторный анализ

Для цитирования: Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Измерение политического доверия в условиях современной демократии // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 22–34.

Measuring Political Trust in a Modern Democracy

Viktor P. Kirilenko*, Georgy V. Alekseev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

ABSTRACT

Systematic review of articles on the problem of measuring political trust published in such authoritative scientific journals as “European Political Science Review”, “British Journal of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

Politics and International Relations”, “Parliamentary Affairs”, “Journal of Public Policy”, “Political Science Quarterly”, “Perspectives on Politics” and “International Journal of Public Opinion Research”, demonstrates considerable attention of scientists to the problem of political trust in a modern democracy and pursues as its goal the development of a methodological basis for political trust research. The methodology of the review on the problem of measuring political trust involves a comparative analysis of the results of studies in the field of assessing political trust. Among the main tasks of the article are: generalization of scientific approaches to political trust, development of methods for political trust measurements and its result interpretation, characterization of the crisis of trust in a modern democracy. The objectives of the study include identifying conceptual scientific works of Western scientists for the period 2011–2021, which allow tracing the modernization of ideas about the object of political trust, characterize the methods of measuring the level of political trust used in modern socio-political science, and reveal differences in the formation of moral and strategic trust. The differences in moral political trust, where trusting relationships are formed on the basis of the experience and personal interaction of subjects, and strategic trust, where political culture is formed and certain expectations that political leaders will make correct, rational decisions are based on fundamental ideas about the political an order where constant change forms personal and institutional ties. Measuring political trust, which is the basis of interaction between citizens and the state, is an issue of fundamental importance for characterizing the quality of democracy, and the rule of law is impossible without a high level of political trust.

Keywords: political culture, rational choice, deliberative democracy, distrust, factor analysis

For citing: Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Measuring Political Trust in a Modern Democracy // Administrative consulting. 2021. N 10. P. 22–34.

Политическое доверие в условиях современной демократии во многом определяет авторитет государства и легитимность институтов власти. Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2020 г. справедливо отметил, что «сила государства не в тотальном контроле и мощи армии, а в доверии граждан»¹. Точен и его тезис о том, «что от того, есть доверие к власти или нет, зависит конечный успех»² в решении социально-экономических задач, стоящих перед страной. Доверие граждан к политическим лидерам, государственному аппарату, политическому классу и государству в целом оказывает существенное влияние на качество демократии и определяет настроения гражданского общества, при этом доктринальные оценки политического доверия могут существенно различаться в зависимости от методики его исследования и измерения.

Метод систематического обзора наиболее типичен для обобщения результатов социально-политических исследований [9]. Выявление авторитетных научных подходов к пониманию политического доверия и выбору методов его измерения основывается на сравнительном анализе методик используемых в рамках различных научных подходов к исследованию современной демократии. Поскольку социальная наука вне дискурса о персоналиях, это, по сути, литература без авторов, постольку анализ принципиальных подходов к измерению доверия основан на выделении в списках литературы обзораемых статей источников, определяющих их концептуальную и методологическую основу.

Демократическая концепция политического доверия отражена в Оксфордском справочнике по социальному и политическому доверию (The Oxford Handbook of

¹ В. В. Путин рассказал, в чем заключается сила государства [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201022/gosudarstvo-15810491451.html> (дата обращения: 26.10.2021).

² В. В. Путин: успех власти зависит от доверия граждан. Интервью телеканалу НТВ от 23 июня 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2206301/> (дата обращения: 26.10.2021).

Social and Political Trust) [36], который составлен авторитетными западными учеными, среди которых Марк Уоррен (Mark E. Warren), Эрик Усланер (Eric M. Uslaner), Пол Бауэр (Paul Cornelius Bauer), Маркус Фрайтаг (Markus Freitag), Марк Хоог (Marc Hooghe) и др. М. Уоррен последовательно характеризует доверие как основу современной демократии через интеграцию неоконсервативного и делиберативного подхода к демократии с теоретическими представлениями о доверии как о рациональном выборе (rational choice) [42, p. 19]. В то время как неоконсервативный подход предполагает, что доверие к органам власти является частью политической и правовой культуры граждан [1; 36; 38; 42], делиберативная (совещательная) демократия исходит из того, что доверие формируется в процессе взаимодействия граждан и политических партий, а также отражается в демократическом дискурсе [36; 42]. Концепцию политического доверия, сформулированную в Оксфордском справочнике, можно обозначить как *оксфордский подход*, который основан на представлении о том, что рациональный выбор граждан в условиях демократии предполагает осознание ими рисков и актуальную оценку угроз национальной и международной безопасности. Рациональность политического выбора при этом отражает существование в массовом политическом сознании универсального представления о доверии, которое в итоге определяет политический выбор граждан, вовлеченных в культуральные и делиберативные демократические практики.

Оксфордский подход является современным развитием неоконсервативного подхода к политическому доверию, где политическая культура обогащается научным анализом влияния делиберативных демократических практик на политический выбор граждан. Теоретическую основу неоконсервативного подхода к проблемам политического доверия составляет концепция политической культуры американских политологов Габриэля Алмонда (Gabriel Abraham Almond) и Сиднея Верба (Sidney Verba), которые в середине XX века справедливо отмечали, что политическое доверие в условиях демократии один из центральных элементов гражданской культуры (civic culture) [1]. Изменения в политической культуре несомненно влекут за собой и трансформацию политического доверия, что демонстрируют процессы цифровизации государственных институтов. С внедрением цифровых технологий в политический процесс ряд аспектов доверия претерпевает значительные трансформации.

Во-первых, система «доверие — недоверие» становится формальным критерием для принятия управленческих решений; во-вторых, в основе доверительных отношений нередко находится рациональность математического свойства, то есть расчет (в том числе автоматизированный); и в-третьих, если государственная политика не отвечает ожиданиям конкретного гражданина, то у него возникает разочарование или безразличие, которые характеризуют переход от доверия к недоверию. В результате цифровизации доверие предлагается «раздавать» через интернет посредством технологии блокчейн, что предполагает создание системы управления ожиданиями граждан и способно породить спираль как доверия, так и недоверия внутри технологических систем. Решать проблему недоверия М. Уоррен и Э. Усланер предлагают через внедрение делиберативных практик в гражданскую культуру [36; 38; 42], в то время как П. Бауэр и М. Фрайтаг предлагают измерять доверие фактически через оценку вероятности принятия гражданином того или иного политически значимого решения [36, p. 15–36].

В современной социально-политической науке методики измерения доверия используют результаты опросов общественного мнения. П. Бауэр справедливо выделяет прямые и косвенные методики измерения политического доверия [36, p. 15]. В то время как прямые опросы позволяют испытуемым самостоятельно сообщать о своем доверии, косвенные измерения пытаются предсказывать доверительное поведение респондентов, наблюдая за их поведением и реакциями [36, p. 17–20].

В рамках оксфордского подхода к политическому доверию ведется дискуссия об оптимальном количестве показателей, демонстрирующих стратегическое доверие граждан к государственной власти [37; 38]. Многопозиционные методики косвенного исследования политического доверия, отражающие его скрытые показатели, обычно приветствуются, потому что они позволяют допускать меньше ошибок при измерении фактического отношения респондентов к политическим лидерам и институтам. В США стратегическое (обобщенное) доверие часто измеряется в соответствии с результатами Общего социального исследования (General Social Survey — GSS). Общее социальное исследование — это социологический опрос, который проводится и регулярно с 1972 г. Национальным центром изучения общественного мнения при Чикагском университете. GSS основан на интервьюировании респондентов по социально значимым вопросам [49].

Как полагает Э. Усланер, увеличение числа показателей доверия может снизить валидность (обоснованность) исследования в целом, так как некоторые факторы доверия не будут соответствовать конкретной базовой концепции исследования [37, р. 75–76]. Более того, если исследование измеряет вероятность доверительных отношений методом прямого опроса, то шкала вероятности требует, чтобы респонденты понимали концепцию вероятности [22, р. 219]. Конфирматорный факторный анализ (confirmatory factor analysis — CFA) предлагается использовать для научного обоснования выбора конкретной совокупности факторов, отражающих политическое доверие по отношению к определенному политическому институту [36, р. 35–36].

Оксфордский подход к политическому доверию имеет ряд недостатков, связанных с отождествлением лояльности и доверия граждан, а также уверенностью в том, что граждане априори заинтересованы в политическом участии. Как убедительно доказывает польский социолог Петр Штомпка (Piotr Sztompka) концепция доверия, основанная на рациональном выборе, зависит от ожиданий индивида в отношении действий других субъектов общественных отношений [33; 34]. В системах ожиданий, основанных на надежде и разочаровании или вере и сомнении, пассивность граждан связана с низкой степенью их заинтересованности в социальной деятельности и их нежеланием рисковать. Третья система координат, формирующая доверие, основана на риске и предполагает высокую степень заинтересованности индивида, при которой тот действует несмотря на неопределенность и риск. Действие, основанное на доверии, предполагает два основных компонента: (1) положительные ожидания в отношении реакции другого, (2) заинтересованность в конкретном результате и готовность рисковать ради достижения цели (ставка) [33; 34]. Политическое доверие при таком подходе «есть ставка в отношении будущих непредвиденных действий» субъектов внешней и внутренней политики.

Критическая концепция политического доверия исходит из того, что под доверием в социально-политической науке понимаются различные виды социально-политических установок в политическом и правовом сознании граждан [12]. Очевидно, что если демократия является средством преодоления недоверия в обществе, то и всякий иной политический режим будет сталкиваться с проблемой недоверия в процессе решения кадровых и законодательных задач, а значит, именно причины недоверия имеют фундаментальное значение для демократии, где цинизм есть часть политической системы со времен Антисфена и Диогена Синопского. Проблема недоверия во многом раскрывается притчей киников об Антисфене, который в ответ на недоумение афинян в отношении его предложения о принятии постановления: «Считать ослов конями» заметил, что обычно голосованием они «делают из невежественных людей — полководцев» [17]. Эфемерность доверия граждан к избранным политическим лидерам очевидно объясняется ограниченными знаниями о личности избранных политиков и завышенными ожиданиями от их действий и решений, при этом вероятность соответствия будущих политических

решений фактическим интересам граждан плохо поддается измерениям методами современной социологии и политологии [2].

Анализ политического недоверия атакует явно патетическую идею о том, что доверие является фундаментальной основой сотрудничества, и, следовательно, отрицает факт того, что дефицит доверия угрожает жизнеспособности демократии. Понимание проблемы политического доверия через конфликт интересов можно условно обозначить как *стэнфордский подход*, в рамках которого профессора Стэнфордского университета Рассел Хардин (Russell Hardin), Карен Кук (Karen Cook), Маргарет Леви (Margaret Levi) совместно с другими авторитетными учеными исследовали различные проявления недоверия в условиях западной (преимущественно американской) демократии [8; 20]. Демократический принцип при принятии политических решений не исключает ошибок и разочарований, и американские политологи Джек Цитрин (Jack Citrin) и Лаура Стокер (Laura Stoker) объективно отмечают, что цинизм в основе демократии в принципе не располагает к доверию [6], с чем в общем соглашается и М. Уоррен, отмечая парадоксальность понимания демократии через доверие в то время как сами демократические процедуры призваны ограничить власть представителей политического класса, которые всеобщим доверием обычно не пользуются [42, р. 19].

В основе значительной части исследований доверия как рационального выбора, например у П. Штомпки, лежит концепция политического доверия Р. Хардина, которая экстраполирует логику морального доверия на политические процессы и основана на том, что, во-первых, доверие — изолированный интерес (в отношении между А и В доверие состоит из убеждения А в том, что В включает интерес А в свои собственные интересы), во-вторых, доверие основано на гарантиях защиты интересов агента (принципал А может гарантировать, что агент В будет действовать в интересах А — независимо от того, существует ли между ними доверие), в-третьих, система доверия или недоверия при наличии общих интересов в любом случае приводит к необходимой социальной координации, сотрудничеству и взаимодействию субъектов политических отношений [8]. «Защита интересов партнера» в работах Р. Хардина постепенно развивается в рациональный расчет, при котором ставка, как проявление доверия, делается принципалом на выполнение обязательств агентом, так как реализуется стратегия выполнения обязанностей для будущей выгоды от продолжения контактов с партнером, при которых приобретенная репутация ценится выше, чем возможный обман [34].

Ряд социально-политических исследований характеризуют доверие как решающий фактор, определяющий восприятие гражданами риска или опасности, степень страха или беспокойства, которые они испытывают, живя в непосредственной близости от потенциальной опасности, а также их поддержку или сопротивление размещению объекта по переработке опасных отходов в область, в которой они живут [8; 20]. В исследованиях стэнфордского подхода доверие в его связи с общественным мнением и голосованием позволяет регулировать отношения между гражданами и государством политическими инструментами. Во-первых, формирование суждений о надежности правительства или политиков — это не только идеологическая или партийная реакция на конкретные действия администрации, но и обобщенные суждения, которые влияют на то, одобряют или отвергают граждане существующие власти и государственную политику или институциональные реформы. Во-вторых, стратегические доверительные суждения о правительстве или политиках — не единственные доверительные суждения, достойные политического исследования, так как суждения о моральной благонадежности конкретных политиков могут иметь гораздо большее значение, чем предполагают измерения стратегического доверия [8].

В рамках критического подхода к политическому доверию возникает теория процессуальной справедливости, которая обоснует необходимость доверия к право-

охранительным институтам. Процессуальная справедливость — это, по сути, теория институциональной легитимности, которая фокусируется на процессах, связанных с осуществлением власти, и на преобразовании власти в законную власть таким образом, чтобы обеспечить соблюдение нормативных требований. Справедливое и уважительное отношение к гражданам со стороны полиции необходимо для ее институциональной легитимности с точки зрения граждан [35]. При этом очевидно, что измерить процент граждан, доверяющих полиции, можно посредством факторного опроса, а вот степень недоверия и радикализации протеста при нарушении процессуальной справедливости плохо поддается измерениям.

В рамках оксфордского подхода решение проблемы принципиально разных результатов при измерении политического доверия и недоверия находится в моральном плане. Классификация доверия на моральное и стратегическое, предложенная Э. Усланером [38], позволяет рассматривать большинство проявлений недоверия как проблему, лишь косвенно связанную с политической культурой и стратегическим доверием. Теоретические концепции недоверия во многом характеризуют причины революционных настроений в обществе через *критическое отношение* к публичной власти, которое долгое время носит имплицитный характер, но затем переходит в эксплицитную фазу под воздействием актуализации угроз безопасности, таких как бедность, неравенство и коррупция. Очевидно, что угрозы безопасности противоречат ожиданиям тех, кто практикует пассивное доверие к институтам власти. Если делиберативное политическое доверие определяется готовностью граждан прилагать усилия и нести расходы в интересах государства, определенной политической партии или движения, то измерение такого участия имеет социальные показатели (число участников и сторонников политических акций, их процент от общего числа граждан) и экономическую составляющую (партийные взносы и пожертвования на избирательные кампании), показателем доверия к политической системе может также служить активность в реализации пассивного избирательного права со стороны представителей социальных элит, однако на практике измерение политического доверия осуществляется в соответствии с методикой оксфордского подхода.

Журнал «European Political Science Review» (Cambridge) публикует ряд интересных исследований в области политического доверия, которые носят как теоретический, так и прикладной характер и отражают весь спектр научных подходов к измерению политического доверия.

Статья Кеннета Ньютона (Kenneth Newton) и Сони Змерли (Sonja Zmerli) «Три формы доверия и их объединение» [26] является логическим продолжением их исследования «Социальное доверие и отношение к демократии» [49] и во многом обогащает демократическую концепцию политического доверия, выявляя взаимосвязи между моральным доверием, стратегическим социальным доверием и политическим доверием. Измерение доверия авторы осуществляют на основе Всемирного обзора ценностей (World Values Survey, WVS), который отражает влияние показателей морального доверия на качество современной демократии. При этом отмечается сложный характер взаимной зависимости между разными формами доверия. В то время как специальное (моральное) социальное доверие является необходимым, но недостаточным условием для стратегического социального доверия, обе формы социального доверия представляются авторам статьи необходимыми, но недостаточными условиями для политического доверия [26].

Проблемам с измерением политического недоверия посвящена статья Эри Берцу (Eri Bertsou) «Переосмысление политического недоверия» [2]. Сравнительный анализ стратегической теории политического доверия, основанной на измерении общей гражданской культуры и уверенности граждан в том, что национальное правительство все делает правильно с альтернативной теорией доверия, основан-

ной на этической взаимности [8; 34; 38], демонстрирует, что доверие и недоверие могут иметь совершенно разные показатели, более того, при наличии методик измерения доверия, измерение недоверия остается нерешенной задачей. Критический подход к политическому доверию фокусируется на отношениях между членами коллектива и опирается на общественные нормы. Это в некоторой степени проясняет природу политического доверия и недоверия, учитывая, что политические институты и агенты действуют как часть коллектива, при этом не принимая во внимание вертикальный характер отношений гражданин-государство [2].

Исследование «Влияние политического доверия и доверия к европейским гражданам на европейскую идентичность», выполненное коллективом авторов при участии М. Хога, демонстрирует, что измерение политического доверия на практике вызывает значительные трудности как в определении объектов доверия, так и в преодолении субъективизма респондентов при оценке ими своего отношения к политическим структурам. Так, например, при характеристике европейской идентичности социальные подходы измеряют доверие к европейским гражданам, поскольку это позволяет европейцам идентифицировать себя с Европейским Союзом как сообществом граждан и ценностей, в то время как институциональный подход предполагает, что общая европейская идентичность преимущественно основана на доверии к политическим институтам ЕС [39]. Конфирматорный факторный анализ (confirmatory factor analysis — CFA) показывает, что оба пункта измеряют одну и ту же основную концепцию [39]. При этом очевидно, что результаты опросов, например французов, по вопросу доверия к институтам ЕС и по вопросам доверия к гражданам других государств — членов ЕС могут не совпадать.

Кризису недоверия посвящена статья «Роль политического доверия в формировании восприятия коррупции» [46]. При измерении недоверия авторы используют факторы индекса восприятия коррупции. В статье на основе данных британских социологических опросов демонстрируется связь между политическим недоверием и предполагаемым коррупционным поведением. В условиях западной демократии уровень политического недоверия определяется вероятностью коррупционных ожиданий со стороны граждан [46].

Следуя логике оксфордского подхода, индивидуальные формы политического участия являются частным случаем проявлений политического доверия [36, р. 617–630]. Так, например, статья Микко Маттила (Mikko Mattila) «Мобилизует ли плохое здоровье людей на действия? Здоровье, политическое доверие и участие», анализируя данные из Финляндии, использует модели структурных уравнений для изучения взаимосвязи между здоровьем, политическим доверием, институциональным и неинституциональным политическим участием [25]. Несмотря на сложность математического аппарата в процессе анализа данных выводы не обладают четкими количественными параметрами. Плохое здоровье связано с увеличением неинституционального участия, в то время как хорошее здоровье способствует традиционному институциональному участию, так как у людей с хорошим здоровьем больше доверия к политической системе, а плохое здоровье связано со снижением доверия [25].

Логика стэндфордского подхода состоит в восприятии недоверия через три широких фактора недоверия: техническая некомпетентность и фактические неудачи, поведение, которое нарушает общие представления о праве и справедливости, а также поведение, несовместимое с интересами граждан. Эти оценочные компоненты основаны на эмпирических и теоретических выводах, но не были синтезированы ранее для объяснения концепции политического недоверия [6]. Недоверие к государственному субъекту отражает уверенность в том, что этот субъект неспособен выполнить требования своей технической роли. Концептуальным выводом из исследования отдельных проявлений недоверия является

«оговорка против уверенности в том, что падение доверия можно быстро или легко обратить вспять» [6, p. 49].

Журнал «British Journal of Politics and International Relations» (Sage) публикует материалы небезынересной научной дискуссии о многоплановости политического доверия между М. Хогом и коллективом ученых в составе: Джастин Фишер (Justin Fisher), Дженнифер ван Хирде-Хадсон (Jennifer van Heerde-Hudson), Эндрю Такер (Andrew Tucker). М. Хог на основе системного исследования выборов в Великобритании доказывает, «что политическое доверие — это одномерное отношение, поскольку граждане не делают различий между функционированием различных политических институтов» [16, p. 269]. Соглашаясь с Э. Усланером в том, что «политическая культура — это системная характеристика, которая будет определять поведение большинства политических акторов и институтов» [16; 38], М. Хог в статье формирует представление о политическом доверии как о преобладающей политической культуре в политической системе. В свою очередь Дж. Фишер, Дж. ван Хирде-Хадсон и Э. Такер указывают на некорректность объединения в рамках одного исследования стратегического, морального и делиберативного доверия [11], последовательно демонстрируя результаты мониторинга британских электоральных институтов, где очевидны отличия между доверием к партиям и политикам [11; 12].

В рамках критического подхода к исследованию делиберативной демократии политическое доверие нередко отождествляется с представлениями избирателей о честности и надежности правительства. О критическом характере таких исследований свидетельствует акцент на факторах недоверия, которые динамично меняются, плохо поддаются измерениям и объективным оценкам, и скорее характеризуют общий кризис политической системы, чем качество демократии. Так, например, группа британских ученых в статье «Почему избиратели теряют доверие к правительству? Общественное мнение о честности и надежности правительства в Великобритании, 2000–2013 гг.» доказывает очевидный факт: «если люди чувствуют, что экономическая политика и предоставление государственных услуг работают хорошо, а также что демократия эффективна, то они будут доверять нынешнему правительству» [21].

Журнал Parliamentary Affairs (Hansard Society) публикует прикладные исследования в области представительной демократии, которые демонстрируют факторы, определяющие положительное отношение граждан к политическим институтам. Так, данные социологических опросов в Испании, Франции и Великобритании эмпирически подтверждают теорию влияния на политическое доверие форм поведения, нарушающих социальные, политические и правовые нормы, в том числе отказ от политических обещаний [28]. Анализируя данные Австралийского исследования конституционных ценностей (Australian Constitutional Values Survey)¹, делается вывод о том, что если поддержка прямой демократии наиболее сильна среди политически недовольных граждан, то более широкое использование прямой демократии может сыграть роль в решении проблемы снижения политического доверия в Австралии [18]. Исследование политолога Мэтью Флиндерса (Matthew Flinders) констатирует появление «разрыва в доверии» (trust gap) на фоне пандемии COVID-19, который в известной степени подчиняется логике недоверия [13].

Авторский подход к измерению морального политического доверия предлагает британский ученый Пол Уайтли (Paul Whiteley). Он использует систему «индикаторов политических ценностей» (Indicators of political values), которые предопределяют политическое доверие к конкретному гражданину. В ходе исследования было установлено, что ключевыми индикаторами политических ценностей, по мнению бри-

¹ GriffithNews [Электронный ресурс] URL: <https://news.griffith.edu.au/topics/australian-constitutional-values-survey/> (дата обращения: 26.10.2021).

танских респондентов, являются знание и соблюдение закона, а также участие в жизни местного сообщества; подданные, которые разделяют эти ценности, пользуются наибольшим доверием среди британцев [44].

Исследования политического доверия, опубликованные европейскими учеными в журналах «European Journal of Political Research» и «Political Studies», подтверждают представления оксфордской школы о том, что доверие производно от политической культуры, которая активно формируется в процессе работы образовательных учреждений [23]. Частью политической культуры образованных граждан являются ожидания того, что правительство будет действовать ответственно и правильно, при этом доверие к демократическим институтам предлагается повышать за счет участия общественности в делиберативных политических практиках везде, где есть разногласия и недоверие. Идея преодолевать недоверие и скептицизм через вовлечение граждан в политические процедуры и мероприятия вообще свойственна британской политической доктрине [3].

На страницах «Journal of Public Policy» (Cambridge) и «Political Science Quarterly» (Wiley) отражены результаты социологических опросов, которые характеризуют взаимосвязь политического доверия с экономическими показателями и социокультурными конфликтами в странах с формирующейся демократией [5; 47]. Вместе с тем на основе данных из стран с развитыми демократическими институтами очевидно влияние на стратегическое политическое доверие таких факторов, как социальная конфликтность [43] и проблемы с обеспечением благополучия (welfare) граждан [10]. Очевидно, что политическое доверие, как часть политической культуры США, зависит от готовности граждан к конструктивному сотрудничеству с государством и институтами гражданского общества [19].

В «International Journal of Public Opinion Research» (Oxford) доверие в современных демократических обществах рассматривается как основа социальной гармонии, экономической эффективности и демократического правления, что подтверждается результатами социологических исследований [48]. Измерения политического доверия на практике предполагают оценку показателей стратегического доверия, которое нередко характеризуется как обобщенное (generalized) [32]. Однако, поскольку методика широкого круга исследований политического доверия предполагает опрос респондентов, а респонденты, в свою очередь, не склонны различать доверие на моральное, стратегическое и делиберативное, то и результаты таких опросов необходимо всегда подвергать критическому анализу, так как респонденты при ответах на вопросы анкет руководствуются личным опытом, который нередко строго индивидуален.

При измерении стратегического доверия нередко используются медийные материалы, где плохие новости и негативный контент отражают кризис доверия [4], однако полевые исследования политического доверия, а также методология создания панели, сочетающей технологию интернет-опросов с моделями лонгитюдного исследования (longitudinal design), обладают более обстоятельным математическим аппаратом [30].

Доверие к политическим институтам нередко рассматривается как важная предпосылка стабильности демократических политических систем. Однако мнения расходятся относительно того, как формируется такое отношение. Полевые исследования среди подростков показывают, что эта возрастная группа уже имеет достаточно стабильный уровень политического доверия, даже до того, как они получили непосредственный опыт функционирования политических систем [7].

Стратегическое доверие граждан к действиям государственных органов, например, правоохранительных органов по борьбе с террористическими угрозами, измеряется посредством социологических опросов и методом включенного наблюдения за контентом медиаресурсов. С одной стороны, опросы позволяют выявить

реакции общества на террористические атаки и страх перед новыми атаками [31], с другой стороны, протестное отношение к власти и ожидания того, как другие будут реагировать на несогласие, снижают доверие к демократическим институтам и объясняют то, как «протестные сети ослабляют политическое участие» (*hostile networks dampen participation*) [24], формируя цинизм и недоверие в обществе.

Стратегическое доверие граждан к политическому режиму имеет особое значение в условиях экономического и миграционного кризиса. Доверие к правительству в новой принимающей мигранта стране формируется предварительным знакомством людей с демократией в период до взрослой социализации в странах их происхождения. Иммигранты, социализированные при более демократических режимах, выказывают меньшее доверие к национальному правительству, чем их сверстники, социализированные при авторитарных системах [41].

Стратегическое доверие граждан к политическим партиям и их лидерам связано с электоральной волатильностью и соответственно здесь рационально задействовать методики лонгитюдного исследования для отслеживания политической динамики и рисков изменения партийных предпочтений. Очевидно, что нестабильность и снижение стратегического доверия побуждают избирателей, особенно сторонников правящей партии, изменить партийные предпочтения [40].

Редакция журнала «*Perspectives on Politics*» (Cambridge) нередко понимает под политическим доверием готовность граждан поддержать определенные политические силы и решения. Американский ученый Аарон Розенталь (Aaron J. Rosenthal) рассматривает различные уровни политического доверия в США, измеряет его в процентах на основе интервьюирования и анкетирования граждан — респондентов. Его исследование изначально признает длительный кризис доверия, отмечая тот факт, что только 15% американцев выражали доверие к правительству в 2015 г. по сравнению с 77% в 1964 г. Причинами политического недоверия стали такие факторы, как коррупция и нерациональный расход налогов государством. При измерении стратегического политического доверия А. Розенталь не только избегает сложного конфирматорного факторного анализа, но и в своем «консервативном тесте» (а по сути интервью) полагается на единственный вопрос респондентам: как часто они могут доверять правительству в Вашингтоне делать то, что правильно? [29, р. 1].

Ряд специальных исследований показывают, что доверие к правительству может повлиять на успешное сдерживание пандемии COVID-19 [14; 27], однако излишнее использование государством административного ресурса может отрицательно сказаться на стратегическом политическом доверии. Данные из США показывают, что граждане склонны больше доверять местным органам правоприменения, чем федеральным службам, о работе которых они мало осведомлены. Основными факторами доверия между гражданами и органами правоприменения являются: обеспечение безопасности членов семьи, эффективная защита прав человека и недопущение дискриминации, а также обеспечение конфиденциальности [45].

Выводы:

1. Научные исследования, нацеленные на то, чтобы охарактеризовать или измерить политическое доверие, представляется рациональным начинать с акцентирования внимания исследователя на политической культуре (доверии) или скепсисе (недоверии) граждан. При измерении доверия будет рациональным определиться с тем, какие аспекты доверия (моральные, стратегические или делиберативные) являются объектом исследования. Для измерения стратегического политического доверия в условиях современной демократии Оксфордский справочник по социальному и политическому доверию предлагает методику, получившую широкое признание и распространение. В итоге измерение стратегического политического доверия сводится к обоснованию факторов, которые

характеризуют доверительное отношение граждан к политическим институтам, однако следует учитывать, что измерение недоверия или морального доверия по этой методике не получило широкого распространения в научных работах и сводится к интервьюированию респондентов для выявления причин недоверия или факторов морального доверия.

2. Факторный анализ как метод измерения политического доверия демонстрирует, что граждане, управляя своими ожиданиями и делая ставку на стабильность, могут следовать логике рационального оппортунизма, они способны долгое время обнадеживать себя и окружающих надеждами на положительные изменения и верой в абстрактные идеалы политической культуры, однако такое пассивное доверие скорее демонстрирует слабость власти при решении политических задач. Демократия, основанная на политическом участии и наличии оппозиции, очевидно требует от граждан активных проявлений доверия в форме реальных действий, направленных на реализацию своих ожиданий. Измерение уровня делиберативных аспектов доверия, как нам представляется, может способствовать более точным представлениям о качестве современной демократии.

3. Доверие граждан к законам и правоохранительным органам — важная составляющая политического доверия в условиях современной демократии. Несправедливые и плохо понятные для демократического государства законы могут быть причиной формирования цинизма и недоверия. Так, например, с одной стороны, в правовом государстве ответственность может наступать только за нарушение закона, однако при отстранении гражданских служащих от должности по недоверию, под недоверием понимается в том числе возникновение «у гражданского служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов» (Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 24.03.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Увольнение в связи с утратой доверия (п. 2 ст. 59.2)). В условиях демократии всегда выглядит сомнительным увольнение «в связи с утратой доверия» представителя оппозиционных политических взглядов, а значит, для формирования стратегического доверия в обществе справедливость законов и высокое качество правосудия являются важнейшими факторами.

Литература/References

1. Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Sage, 1963. 574 p.
2. Bertou E. Rethinking political distrust // *European Political Science Review*. 2019. Vol. 11. Is. 2. P. 213–230.
3. Boulianne S. Building Faith in Democracy: Deliberative Events, Political Trust and Efficacy // *Political Studies*. 2019. Vol. 67. Is. 1. P. 4–30.
4. Brosius A., Van Elsas E. J., De Vreese C. H. Bad News, Declining Trust? Effects of Exposure to Economic News on Trust in the European Union // *International Journal of Public Opinion Research*. 2020. Vol. 32. Is. 2. P. 223–242.
5. Cinar S.K., Kose T. Political Trust in Nonconsolidated Democracies: The Turkish Case in Comparative Perspective // *Political Science Quarterly*. 2020. Vol. 135. Is. 3. P. 467–497.
6. Citrin J., Stoker L. Political Trust in a Cynical Age // *Annual Review of Political Science*. 2018. Vol. 21. P. 49–70.
7. Claes E., Hooghe M., Marien S. A Two-Year Panel Study among Belgian Late Adolescents on the Impact of School Environment Characteristics on Political Trust // *International Journal of Public Opinion Research*. 2012. Vol. 24. Is. 2. P. 208–224.
8. Cook K. S., Hardin R., Levi M. *Cooperation without Thrust?* New York : Russell Sage Foundation. 2007. 272 p.
9. Davis J., Mengersen K., Bennett S., Mazerolle L. Viewing systematic reviews and meta-analysis in social research through different lenses // *Springer Plus*. 2014. Vol. 3. P. 511.

10. Edlund J., Lindh A. Institutional trust and welfare state support: On the role of trust in market institutions // *Journal of Public Policy*. 2013. Vol. 33. Is. 3. P. 295–317.
11. Fisher J., van Heerde-Hudson J., Tucker A. Why Both Theory and Empirics Suggest There is More than One Form of Trust: A Response to Hooghe // *The British Journal of Politics & International Relations*. 2011. Vol. 13. Is. 2. P. 276–281.
12. Fisher J., Van Heerde J., Tucker A. Does One Trust Judgement Fit All? Linking Theory and Empirics // *The British Journal of Politics & International Relations*. 2010. Vol. 12. P. 161–188.
13. Flinders M. Democracy and the Politics of Coronavirus: Trust, Blame and Understanding // *Parliamentary Affairs*. 2021. Vol. 74. Is. 2. P. 483–502.
14. Goldstein D., Wiedemann J. Who Do You Trust? The Consequences of Partisanship and Trust for Public Responsiveness to COVID-19 Orders // *Perspectives on Politics*. 2021. P. 1–27.
15. Hoffman A. M. The Structural Causes of Trusting Relationships: Why Rivals Do Not Overcome Suspicion Step by Step // *Political Science Quarterly*. 2007. Vol. 122. Is. 2. P. 287–312.
16. Hooghe M. Why There is Basically Only One Form of Political Trust // *The British Journal of Politics & International Relations*. 2011. Vol. 13. Is. 2. P. 269–275.
17. Kennedy W. J. *Antisthenes' Literary Fragments: Edited with Introduction, Translations, and Commentary*. Sydney, 2017.
18. Kildea P., Brown A. J., Deem J. When Should the People Decide? Public Support for Direct Democracy in Australia. *Parliamentary Affairs* 2020, gsaa019.
19. Kydd A. In America We (Used to) Trust: U. S. Hegemony and Global Cooperation // *Political Science Quarterly*. 2006. Vol. 120. Is. 4. P. 619–636.
20. Levi M., Stoker L. Political Trust and Trustworthiness // *Annual Review of Political Science*. 2000. Vol. 3. P. 475–507.
21. Maloy J. S. Two concepts of trust // *Journal of Politics*. 2009. Vol. 71, Iss. 2. p. 492–505.
22. Manski C. F., Molinari F. Rounding Probabilistic Expectations in Surveys // *Journal of Business and Economic Statistics*. 2010. Vol. 28. Is. 2. P. 219–231.
23. Marien S., Hooghe M. Does political trust matter? An empirical investigation into the relation between political trust and support for law compliance // *European Journal of Political Research*. 2011. Vol. 50. P. 267–291.
24. Matthes J. Do Hostile Opinion Environments Harm Political Participation? The Moderating Role of Generalized Social Trust // *International Journal of Public Opinion Research*. 2013. Vol. 25. Is. 1. P. 23–42.
25. Mattila M. Does poor health mobilize people into action? Health, political trust, and participation // *European Political Science Review*. 2020. Vol. 12. Is. 1. P. 49–65.
26. Newton K., Zmerli S. Three forms of trust and their association // *European Political Science Review*. 2011. Vol. 3. Is. 2. P. 169–200.
27. Peyton K. Does Trust in Government Increase Support for Redistribution? // *American Political Science Review*. 2020. Vol. 114. Is. 2. P. 596–602.
28. Rose R., Wessels B. Money, Sex and Broken Promises: Politicians' Bad Behaviour Reduces Trust // *Parliamentary Affairs*. 2019. Vol. 72. Is. 3. P. 481–500.
29. Rosenthal A. Submerged for Some? Government Visibility, Race, and American Political Trust // *Perspectives on Politics*. 2020. P. 1–17.
30. Scherpenzeel A. C., Das M. "True" longitudinal and probability-based Internet panels: Evidence from the Netherlands // *Social and behavioral research and the internet: Advances in applied methods and research strategies* / Das M., Ester P., Kaczmirek L. (eds.). Boca Raton : Taylor & Francis. 2010. P. 77–104.
31. Steen-Johnsen K., Slagsvold Winsvold M. Islamist Terrorism, Out-Group Trust, and Motivation to Control Prejudice // *International Journal of Public Opinion Research*. 2020. Vol. 32. Is. 3. P. 621–640.
32. Sturgis P., Smith P. Assessing the Validity of Generalized Trust Questions: What Kind of Trust are we Measuring? // *International Journal of Public Opinion Research*. 2010. Vol. 22. Is. 1. P. 74–92.
33. Sztompka P. Trust, Distrust and Two Paradoxes of Democracy // *European Journal of Social Theory*. 1998. Vol. 1. Is. 1. P. 19–32.
34. Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. Cambridge University Press. 2000. 228 p.
35. Tyler T., Fagan J. Legitimacy and Cooperation: Why Do People Help the Police Fight Crime in Their Communities? // *Ohio State Journal of Criminal Law*. 2006. Vol. 6. P. 231–276.
36. Uslaner E. M. (ed.). *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. Oxford : Oxford University Press, 2018. 752 p.

37. Uslaner E. M. Segregation and Mistrust: Diversity, Isolation, and Social Cohesion. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
38. Uslaner E. M. The Moral Foundations of Trust. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 298 p.
39. Verhaegen S., Hooghe M., Quintelier E. The effect of political trust and trust in European citizens on European identity // European Political Science Review. 2017. Vol. 9. Is. 2. P. 161–181.
40. Voogd R., van der Meer T., van der Brug W. Political Trust as a Determinant of Volatile Vote Intentions: Separating Within- From Between-Person Effects // International Journal of Public Opinion Research. 2019. Vol. 31. Is. 4. P. 669–693.
41. Wals S. C., Rudolph T. J. Lost in Acculturation? Premigratory Exposure to Democracy and Immigrants' Political Trust in the United States // International Journal of Public Opinion Research. 2019. Vol. 31. Is. 1. P. 70–92.
42. Warren M. E. (ed.). Democracy and trust. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 370 p.
43. Weible C., Heikkilä T., Pierce J. Understanding rationales for collaboration in high-intensity policy conflicts // Journal of Public Policy. 2018. Vol. 38. Is. 1. P. 1–25.
44. Whiteley P. Does Citizenship Education Work? Evidence from a Decade of Citizenship Education in Secondary Schools in England // Parliamentary Affairs. 2014. Vol. 67. Is. 3. P. 513–535.
45. Wong T., Kang S., Valdivia C., Espino J. at al. How Interior Immigration Enforcement Affects Trust in Law Enforcement // Perspectives on Politics. 2020. P. 1–14.
46. Wroe A., Allen N., Birch S. The role of political trust in conditioning perceptions of corruption // European Political Science Review. 2013. Vol. 5. Is. 2. P. 175–195.
47. Yap O. How political trust matters in emergent democracies: Evidence from East and Southeast Asia // Journal of Public Policy. 2019. Vol. 39. Is. 2. P. 295–328.
48. Zhang R. J., Liu J. H., Brown G., Gil de Zúñiga H. A Network Analysis of Global Trust Across 11 Democratic Countries // International Journal of Public Opinion Research. 2021. Vol. 33. Is. 1. P. 147–158.
49. Zmerli S., Newton K. Social trust and attitudes toward democracy // Public Opinion Quarterly. 2008. Vol. 72. P. 706–724.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; v.vvaas@yandex.ru

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; Deltafox1@yandex.ru

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; Deltafox1@yandex.ru